

РАЗДЕЛ IV

СЛОВО СИБИРСКОГО ИСКУССТВОВЕДА

УДК 7.01 (571.1/.5)

*С.А. Жук, кандидат искусствоведения, доцент
(Алтайский государственный институт культуры, Барнаул)*

*О.Н. Кузнецова, доктор искусствоведения, доцент
(Алтайский государственный институт культуры, Барнаул)*

СЛОВО ОБ УЧИТЕЛЕ, УЧЕНОМ, О ЧЕЛОВЕКЕ

Раскрываются три аспекта деятельности алтайского ученого, доктора искусствоведения, профессора Т.М. Степанской: учителя, ученого и человека. Авторами данной статьи являются ученики Т.М. Степанской, которые, опираясь на опыт научного сотрудничества и человеческих отношений, постулируют мировоззренческие выводы о ценности жизненной встречи человека со «своим» учителем.

Ключевые слова: учитель, ученый, человек, идеология, наука, методология, проект.

*S.A. Zhuk, candidate of Art Criticism, Associate Professor
(Altai State Institute of Culture, Barnaul)*

*O.N. Kuznetsova, Dr. of Art Criticism, Associate Professor
(Altai State Institute of Culture, Barnaul)*

WORD ABOUT THE TEACHER, SCIENTIST, ABOUT THE PERSON

The article is in the nature of an “essay”, which reveals three aspects of the Altai scientist, doctor of art history, professor T.M. Stepansky: as a teacher, as a scientist and as a person. The authors of this article are students of T.M. Stepanskaya, who, based on the experience of scientific cooperation and the experience of human relations, postulate worldview conclusions about the value of a person’s life meeting with “his” teacher.

Keywords: teacher, scientist, person, ideology, science, methodology, project.

Эта статья посвящена Тамаре Михайловне Степанской – незаурядному человеку. Такие люди очень редко встречаются в нашей жизни. Личность этого человека, жизненный путь, научная и общественная деятельность, ее колоссальные успехи и достижения во многих сферах деятельности позволяют говорить о ней как о некоем выдающемся феномене. Действительно, она «Почетный работник высшей школы», «Почетный профессор Алтайского государственного университета», первый доктор искусствоведения в Сибири. Тамара Михайловна организовала и возглавила кандидатский, а затем и докторский диссертационный совет по специальностям «Теория и история искусства», «Изобразительное, декоративно-прикладное искусство и архитектура».

Наконец, именно Тамаре Михайловне Степанской принадлежит заслуга основания издания сборника научных трудов, а затем журнала «Культурное наследие Сибири», который сегодня достиг юбилейной даты, где ныне публикуются статьи ученых всего сибирского региона. Вот что говорят о ней её коллеги: «Тамара Михайловна неутомимый труженик и энтузиаст своего любимого дела. Она по-прежнему тесно связана с ведущей Санкт-Петербургской школой искусствоведения, что придает ее трудам особое качество. В наше трудное время она находит нетрадиционные пути для того, чтобы содействовать сохранению исторической памяти и развитию культуры своего народа» [1].

Действительно, можно много и долго перечислять все высокие и почетные регалии этого удивительного человека, называть огромные заслуги перед обществом и отечеством, но мы сегодня будем говорить о нашем учителе Тамаре Михайловне Степанской достаточно лично, внимательно всматриваясь и вслушиваясь в душу этого человека.

Жизненно-важные события в судьбе человека складываются порою так, что невольно возникает мысль о некой предопределенности всего происходящего. **О.Н. Кузнецова** вспоминает:

Моя первая встреча с Тамарой Михайловной Степанской произошла в далеком тысяча девятьсот восемьдесят четвертом году на краевой конференции Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПиК). Мероприятие носило торжественный характер. Председатель совета каждого отделения ВООПиК с воодушевлением рапортовал об успехах проведенной за год работы: о перевыполнении плана по взносам, высокой степени вовлеченности первичных организаций в проведение идеологических мероприятий в городе или районе, следовании во всем этом идеалам советской эпохи с неизменным упоминанием имени В.И. Ленина.

И вдруг среди этого всеобщего ликования по поводу собственных «успехов» к трибуне для выступлений поднимается маленькая, хрупкая женщина. Она начинает говорить очень тихим голосом с внезапно притихшим залом. С первых её слов все понимают, что она говорит что-то не то, что-то такое, что ломает общепринятую «схему». Она говорит о бедственном положении очень старых, исторически и культурно-значимых «каменных» зданий в Бийске; о том, что идет тотальный снос памятников деревянной архитектуры, о том, что бесследно исчезают элементы декора фасадов и полностью наличники окон с уникальной деревянной резьбой девятнадцатого века. И, наконец, о том, что сохранение этого культурно-исторического наследия и представляет собой основную задачу и цель Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, которые мы не исполняем.

Это было корректное по форме, но смелое и честное по содержанию выступление, на которое тотчас сурово отреагировал представитель крайкома, заявив с угрожающими нотками в голосе о том, что «новое» должно идти на смену «старого», о том, что партия не может ошибаться и о том, что партия за «всех вас думает».

В дальнейшем: и в контексте тоталитарной коммунистической идеологии, и в эпоху замены её на прямо противоположную идеологическую доминанту в общественном сознании, отслеживая все выступления Тамары Михайловны по вопросам сохранения культурного наследия в Сибири на форумах городского и краевого уровней, мы в очередной раз убежда-

лись в её верности обозначенным ею когда-то собственным мировоззренческим и гражданским позициям. Про себя мы называли её «маленьким титаном», рядом с которым стыдно было быть слабым, который для нас, тогда еще молодых людей, всегда являлся образцом гражданской отваги и одновременно – неистребимой интеллигентности.

Результатом долговременного сотрудничества авторов данной статьи с Тамарой Михайловной Степанской на научной стезе явилось то, что под её руководством были написаны и успешно защищены наши кандидатские и докторская диссертации.

С.А. Жук вспоминает:

Впервые я встретился со Т.М. Степанской в начале двухтысячных, она была председателем ГАК в Бийском педагогическом университете им. В.М. Шукшина, где я тогда работал преподавателем на художественно-графическом факультете. Присутствуя на защитах дипломных работ наших студентов, Тамара Михайловна давала такой глубокий анализ той или иной творческой выпускной работе, обращала внимание на такие аспекты, которые до этого ускользали от нашего внимания, что, конечно, вызывало у нас восхищение и понимание того: какого высокого профессионального уровня достиг этот человек.

Тамара Михайловна – не типичный искусствовед, поскольку в своем понимании сущности и природы искусства она руководствуется мировоззренческим подходом, что придает ее осмыслению вопросов об искусстве глубокий, многоплановый характер и выводит ее работы за пределы собственно искусствоведческого описания. Она прекрасно знает и ценит искусство с его огромным потенциалом воздействия на человека, с его воспитательными и познавательными функциями. Художественная школа и традиции русской реалистической живописи сблизили нас в понимании современных процессов изобразительного искусства. Помню, как обстоятельно мы обсуждали тему моих пленэрных работ, как она мягко, деликатно подвела меня к пониманию необходимости написания программных произведений. Говорила о том, что нельзя писать только этюды, нужно стараться создавать этапные и программные вещи. В наших беседах об искусстве Тамара Михайловна всегда интересовалась моим мнением по поводу живописных работ того или иного художника. Довольно часто наши суждения и оценки произведений изобразительного искусства совпадали, что, конечно, для меня – молодого аспиранта, ее ученика было очень важно, по-настоящему значимо.

О.Н. Кузнецова продолжает:

Тамара Михайловна как ученый обладает удивительным, редким качеством – готовностью к диалогу с другим, принципиально иным типом

научного мышления. Её конструктивный подход ко всему новому в науке обнаруживает в ней неиссякаемый потенциал ученого, свободного от штампов конвенционализма, способного увидеть в новой, нестандартной методологии эффект «эвристической» значимости.

Увлечшись герменевтической логикой, Тамара Михайловна, по её признанию, заинтересовала этой методологией многих своих студентов. Только один этот факт заслуживает особого внимания и специального комментирования, поскольку далеко не каждый ученый, как показывает опыт, способен вникнуть в существо методологического герменевтического стандарта, позволяющего выявлять в «тексте» художественного произведения внелингвистические элементы с одновременным их пониманием, рационализировать иррациональные аспекты искусства. Это обстоятельство в очередной раз позволяет говорить о Тамаре Михайловне и как об ученом-новаторе, и как о новаторе-педагоге.

Вне всякого сомнения, ученый-исследователь, адаптировавший к своим изысканиям подобный методологический инструментарий, должен обладать специфическими человеческими качествами. Это – и феноменологическое восприятия мира, и настрой на диалогический (субъектно-субъектный) характер отношений исследователя с произведением искусства, это и та эмоциональная отзывчивость, та эмпатия, которая, в ряду названных обязательных характеристик, присуща Тамаре Михайловне Степанской. Это – та мера, которая позволяет в человеке измерить человека. Данный тезис отсылает нас к вечно актуальной для гуманитариев теме человека. И не просто человека, а, как бы это тавтологично ни звучало, «человека человеческого», по выражению гуманистов европейского Возрождения – «*humano humanitas*».

В нашу эпоху скоростей, бескомпромиссного наступления новых технологий, информационных перегрузок человеку бывает очень трудно за всем этим услышать другого человека, иногда – крик человека, зовущего на помощь. В памяти ассоциативно возникает известная картина Э. Мунка «Крик», где человек – больше не человек, он «изошел» на крик, он – стал «криком», но этого не слышат другие люди, спокойно беседующие друг с другом на заднем плане.

Каждому из нас в недавние периоды жизни пришлось испытать тяжелые потрясения, пережить трагические события, невозвратимые утраты, которые могли подкосить нас, лишить воли, силы и решительности двигаться дальше в русле нашей научной деятельности. Но так получилось, что с нами неотступно рядом был «человек человеческий», который поддерживал нас, подставляя свое хрупкое плечо «маленького титана», защищал нас во всех смыслах этого слова.

Тамара Михайловна! Какие планы мы обсуждали и мечтали об их осуществлении! Это – и проект на «грант» по развитию туризма и экскурсионного дела на Алтае на базе культурно-исторических памятников и памятников природы Горного Алтая (живописным пейзажам Горного Алтая посвящена диссертация С.А. Жука). Это – и открытие научной герменевтической лаборатории на базе Бийского педагогического университета им. В.М. Шукшина. Мы не можем подвести нашего учителя, талантливо-го ученого, настоящего друга – Тамару Михайловну Степанскую. Мы будем думать, искать пути решения обозначенных когда-то ею научных проблем.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нехвядович Л. И., Скубневский В.А. Тамара Михайловна Степанская. URL: <http://altlib.ru/personalii/4182-2/stepanskaya-tamara-mihaylovna/>.
2. Степанская Т.М. Два натюрморта: П.П. Кончаловский, И.С. Богданова / Алт. краев. музей изобразит. и приклад. искусств. Барнаул, 1977.
3. Степанская Т.М. Портрет кисти В. А. Тропинина [«Дама в зеленом»] в Алтайском краевом музее изобразительных и прикладных искусств / Алт. краев. музей изобразит. и приклад. искусств. Барнаул, 1977.

BIBLIOGRAPHY

1. Nekhyadovich L. I., Skubnevsky V. A. Tamara Mikhailovna Stepan-skaya. <http://altlib.ru/personalii/4182-2/stepanskaya-tamara-mihaylovna/>
2. Stepanskaya T. M. Two still lifes: P. P. Konchalovsky, I. S. Bogdanova / Alt. edges. the museum will depict. and butt. arts. Barnaul, 1977.
3. Stepanskaya T. M. Portrait of a brush by V. A. Tropinin [“Lady in the Green”] in the Altai Regional Museum of Fine and Applied Arts / Alt. edges. the museum will depict. and butt. arts. Barnaul, 1977.